

*И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова...*

Георгий Иванов

Стоит уехать из России как школьная хрестоматия назовёт тебя «поэтом русского зарубежья». Как Георгия Иванова (1894 – 1958), человека, который писал стихи со студенческой поры, но лучшие стихотворные строки отчеканил уже на склоне лет, вдали от Санкт-Петербурга молодости, в дивном новом мире, где слово «Петербург» чаще звучало во Франции, чем в России.

Но чтобы понять душу человеческую лучше не читать школьных учебников. Как буд-

то эмиграция для поэта может стать основным поводом для творчества, а Россия только оправданием для русского языка – он русский, это многое объясняет...

Это объясняет, конечно, и революцию, поделившую русский мир на две неравные половинки и фамилию «Иванов» носитель которой попытался жить на переломе эпох, но в результате только переломил свою жизнь надвое. И всё-таки национальность, определяющая характер революции или нрав человека, ещё не объясняет характерные особенности поэзии. И даже если признать, что русские склонны к крайностям, трудно понять, как можно писать стихи с душой, разделённой напополам.

На две неравные половинки раскололась, рассыпалась вся жизнь Георгия Иванова. Около тридцати лет в России, более тридцати за её пределами. Однако жизнь вдали от Родины тоже не объясняет почему человек начиная свои стихи строками «Россия счастье» заканчивает их утверждением, что такой страны вовсе нет. «Одни снега, снега, поля, поля...».

*Россия тишина. Россия прах.
А может быть Россия – только страх.*

*Верёвка, пуля, ледяная тьма
И музыка сводящая с ума.*

В творчестве поэта различимы неравные периоды, и всё-таки, кажется, правильной говорить не столько о переломах и революциях – последние Георгий Иванов недолюбливал, – но о поэтической эволюции. Действительно, здесь биография, переплетаясь с творчеством превращается уже в судьбу. А судьба, соединяясь с историей, всегда несколько больше индивидуальных предпочтений. И биография Иванова может быть воспринята как идеальная модель, подходящая для самообразования каждому – если, конечно, с юности ты полагаешь стихотворчество своим главным занятием.

В жизни Георгия Иванова было всё, что положено: счастливое детство, хорошее образование, общение с выдающимися поэтами своего времени, с теми, кто составит саму суть определения «поэзия Серебряного века» – кажется сам Иванов и пустил в обиход это определение. Уже после того, как белые петербургские ночи превратились в серебро дагерротипов памяти. Когда оказалось, что свобода в выборе тем, литературная игра и поиски «музыки стиха» собственно и есть настоящая поэзия.

Говорят, сам Георгий Иванов относился к своему поэтическому дару снисходительно, считал, что работа противоположна самому понятию творчества. И рифмовал легко, беспечно, выбирая случайные темы для стихотворений и не придавая большого значения написанному. Но, позже, много позже, в душном французском Йере он вполне чётко отличает стихотворения от рифмованных строчек. И сам пишет всё больше прозу.

А то немногое что вошло в его последние поэтические сборники отличал внутренним

трагизм и внешняя ясность. Литература – возможность жить, когда не осталось уже никаких поводов для жизни. И в этом, конечно, нет ничего выдающегося или героического.

*Что нужно человеку – не герою –
На склоне?...Элегическая тишь...*

Это просто, это простые стихи – хотя современному читателю трудно не увидеть в верности Георгия Иванова слову нечто героическое. Не зря и само его имя напоминает о святом победителе дракона, вооружённом не столько копьём, сколько верой.

Творчество Георгия Иванова – тоже род копья, разновидность оружия, способ победить хаос и отчаянье.

Что может воспринять человек, пишущий в рифму, из рук Георгия Иванова? Может быть памятование о том, что жизненный разлом даёт возможность обрести дистанцию от собственной биографии и вложить в поэзию уже не личные переживания, но ощущение подлинной драматургии жизни. «Наш мир создан каким-то Достоевским, только не столь гениальным, как Фёдор Михайлович», – сказал однажды Георгий Иванов, подлинный герой русской литературы.

Увидеть за внешними наименованиями страны землю полную невыразимой красоты, боли и музыки — значит обрести подлинное поэтическое видение. И из баловней судьбы перекавалифицироваться в её голос, или просто – поэта.

Больше, чем русская словесность к поэзии ведёт русская история. Георгий Иванов не только человек трагической русской судьбы, и не просто поэт – и конечно не одной только географической плоскости или только эпохи. Он тот, кто сделал словом ту музыку, которая суть времени и торжество над смертью.